

Никто не собирался первым отвечать на вопрос другого, позволяя одному вопросу за другим растворяться в тишине, превращаясь в ничто.

Взгляд Фу Чэнцы был глубоким и долгим. Отблеск пламени, подобного ростку бобового стебелька, отражался в его зрачках, нерассеиваемая мрачная глубина.

Раньше всегда было так: он спрашивал — Лу Це отвечал. С каких это пор тот, кто прежде покорно лежал под ним, тоже начал перечить? Это чувство ускользания из-под контроля становилось всё более неудержимым. В месте, невидимом для Лу Це, его взгляд мгновенно омрачился, нахлынула мгла.

Пальцы наткнулись на спутанные волосы. Казалось, он потерял терпение и резко их распутал.

Ощувив напряжение между кожей головы и волосами, Лу Це не смог сдержать тихого стога. Приподняв веки, он украдкой взглянул на руку того, лежавшую на коленях, подавил кашель, готовый вырваться из горла, отвёл взгляд, больше не глядя на того безумца позади.

Да, он чувствовал, что Фу Чэнцы сошёл с ума. С того момента, как наследный принц пошёл на поправку после тяжёлой болезни, и этот человек начал без причины выражать свою любовь.

Князь Цзянбэй и наследный принц были друзьями с детства. Аура стоящего выше, благородство, присущее от природы, братская привязанность, смешанная с неведомыми другим чувствами, — Лу Це, зоркий и пронизательный, понимал всё ясно. А он был всего лишь сыном шпиона, присланного вражеским государством. Серая мгла канав разъедающе покрыла его сердце пеплом. Если бы в нём не текла кровь императорской семьи, он, вероятно, был бы подобен перебегающей улицу крысе, которой все кричат «бей и убивай».

Разница между небом и землёй, парящий орёл и ряска на болоте. Его дерзкие, скрытые в глубине сердца мечты были высказаны без всяких ограничений, подобно глубокому насмешливому издевательству, а также нарисованной для него глубокой яме-клетке, сплетённой из желаний.

Заставляя отступать в страхе, но в то же время неудержимо тянуться ближе.

Лу Це чувствовал, что с момента возвращения в страну он постоянно сдерживал себя. Сдерживал настолько, что даже с разрывающей печень и кишечник Бучунь он мог находиться в гармонии. Однако эта хрупкая, едва выдерживающая граница постоянно испытывалась снова и снова.

Держа в руке горсть тёмных волос, мягких и блестящих, совсем не таких, как его твёрдый и жестокий хозяин, Фу Чэнцы беззвучно улыбнулся.

Изящные блюда на столе превратились в остатки холодной еды. Фу Чэнцы пробыл в этой сырой комнате около получаса.

Уходя, он забрал со стола тарелку с холодными блюдами, на ходу закрыв за собой дверь. Шаги удалились недалеко, Лу Це даже мог слышать, как он разговаривает с кем-то.

Небольшое окно распахнулось, снаружи впрыгнула человеческая тень. Движения Жуань Дао были лёгкими, практически бесшумными при приземлении.

Жуань Дао сначала осмотрелся по сторонам и, не увидев лишних людей, наклонился, подхватил Лу Це с длинного стула и аккуратно уложил на кровать. Поправляя одеяло, он

сказал:

— В этом месте не нашлось хороших благовоний, зато увидел несколько лавок с румянами и белилами.

Почувствовав холодный взгляд, упавший на его подбородок, Жуань Дао быстро сменил тему, приняв серьёзный вид.

— Но не волнуйся, я ничего лишнего не купил. От князя Тан давно не было писем. Деньги нужно экономить.

Взгляд исчез. Жуань Дао не посмел опустить глаза, чтобы посмотреть. Он наспех поправил одеяло и сказал:

— В следующий раз, когда князь Цзянбэй придёт к вам, могу я попросить сначала вернуться в свою комнату, а затем вернуться обратно утром?

Лу Це раздражённо открыл глаза.

— Собери одежду и катись!

— Есть! — Жуань Дао поспешно собрал снятую Лу Це одежду, заодно разложив одежду, которую тот наденет завтра. Задув светильник, он тихо вышел из комнаты.

Он делил комнату с Вэй Е. Ночью они дежурили по очереди. Ему нужно было поторопиться, чтобы успеть поспать первую половину ночи.

Комната наследного принца находилась в центре, по обеим сторонам от неё были размещены императорские гвардейцы. Он носил с собой крупные купюры, что было даже более мучительно, чем если бы их сопровождал открытый эскорт, везущий золото.

А сейчас в той комнате горел яркий свет, и сквозь неплотные доски стены просачивались голоса.

Жуань Дао притворился, что случайно проходит мимо, пытаясь разузнать, но был тут же остановлен гвардейцем, стоявшим снаружи.

— Твоя комната там, не заходи дальше.

— Благодарю, — Жуань Дао бросил украдкой взгляд, пытаясь что-то разглядеть, но безуспешно. Он извиняюще улыбнулся преградившему путь гвардейцу и спокойно повернул обратно.

После каждой травяной ванны ощущение разъедания продолжалось три-четыре часа. Даже в костях ощущалась мелкая, густая боль. Нельзя было пошевелиться — одно движение вызывало боль во всём теле.

Лу Це точно рассчитал время. Это густое, пронизывающее до костей ощущение, подобно отливу, должно было пройти примерно через время, необходимое для одной чашки чая.

Шаги в коридоре были очень тихими. Ночной призрак приоткрыл дверь. Глаза, подобные факелам в темноте, уставились на кровать. Под маской скрывалась жестокая улыбка, известная только ему.

Клинок в его руке обрушился подобно урагану, пух от одеяла взлетел в воздух. Брови и глаза тени, открытые взору, нахмурились. Он откинул одеяло, и сердце его мгновенно подпрыгнуло. Громкий стук, подобный барабанной дроби, невероятно громко раздался в этой комнате.

Внезапно угол его глаза уловил серебристый блик. Он невольно отшатнулся на два шага, спиной упёршись в стойку кровати. Тот, кто должен был лежать на кровати беззащитный, сейчас держал в руках изящный короткий кинжал, направленный ему в горло.

В отблеске тень могла видеть тонкие черты лица молодого человека. Во взгляде не было ни растерянности, ни любопытства, словно эта внезапная атака была специально подготовленной для него ловушкой.

При тщательном размышлении ужас нарастал. Пот лился градом. В глазах убийцы, для которого убийство было привычным делом, мелькнул страх.

Лу Це был тем, кто ходил в ночи как призрак.

— Тот, кто заплатил тебе, не сказал, что у меня хороший слух? Твои шаги слишком громкие.

Но убийца не мог так быстро сдаться. Рукоять его ножа с большим мастерством рванулась вперёд. Лу Це ловко увернулся в сторону, и этим создал лазейку.

Оба держали клинки, противостоя друг другу. Лу Це босыми ногами стоял на полу, на нём всё ещё был халат, в который он завернулся после купания. Распущенные волосы развевались за его спиной.

Та боль в теле уже давно рассеялась, а последовавший прилив сил позволил Лу Це двигаться как призраку. Он бросился вперёд. В тесном помещении скрипели деревянные доски, звук скрежетающихся клинков разорвал тишину.

Тень не смогла убить Лу Це, Лу Це не смог захватить её живьём.

Лу Це прошёл реальную тренировку. Его стиль был неординарным, каждый удар был смертельным, нанесённым с жестокостью. Те персиковые глаза, что обычно были ясными и спокойными, сейчас горели ярким светом.

Этот шум уже потревожил других. Тень не стала затягивать бой. На ней была нанесена одна рана, дальнейшее было для неё невыгодно. Она метнулась к тому узкому окну и выпрыгнула.

В комнате воцарилась тишина. Жуань Дао вошёл и зажёл светильник. Увидел разбросанные повсюду вещи, окно всё ещё было распахнуто настежь.

На окне остался свежий след крови. Жуань Дао задумчиво произнёс:

— Когда я возвращался в комнату, я видел, что в комнате наследного принца кто-то был.

Лу Це покачал головой, небрежно собрав распущенные волосы в пучок, выглядевший свободно и аккуратно.

— Если бы Лу Юй хотел меня убить, он бы точно не выбрал для этого сейчас. Это не только запачкало бы его руки, но и навлекло бы на него подозрения.

Подойдя, он тщательно вытер кинжал и уверенно сказал:

— Просто подождём. Этот человек вернётся. Я просто не думал, что кто-то так скоро не выдержит. Я только-только покинул столицу, а уже кто-то позарился на мою жизнь.

Лу Це вдруг о чём-то вспомнил, его взгляд помрачнел.

— Принеси мне бумагу и кисть, я напишу письмо в столицу.

Жуань Дао не понимал, что он задумал, но всё равно подчинился.

Бумага и кисть прибыли быстро. Лу Це при свете свечи размашисто написал три страницы. Жуань Дао, наблюдая за этим, не мог сдержать подёргивания уголков рта. На трёх страницах сплошь были жалобы на угрозу его жизни и безопасности, надежда, что, занимаясь делами, можно также обеспечить его личную безопасность.

Лу Це передал вещи Жуань Дао.

— Ты немедленно возвращайся в столицу, возьми это и доставь письмо во дворец.

Сказав это, Лу Це отдал Жуань Дао нефритовую подвеску.

На следующий день погода выдалась неожиданно ясной. Отряд, закончив трапезу, приготовился к отправлению в путь.

Жуань Дао догнал группу только после полудня. Лу Юй предложил Фу Чэнцы ехать с ним в одной карете, под благовидным предлогом, что так можно будет беседовать, разгоняя скуку.

Перед тем как выйти из кареты, Фу Чэнцы одним движением подцепил подбородок Лу Це и поцеловал его в губы, подобно касанию стрекозы. Холодное, мягкое ощущение мгновенно пробудило в теле бесчисленные желания. Легкое прикосновение обернулось самообманом, он не смог удержаться и проник глубже, мысленно ругаясь: «Сам виноват!»

Лу Це, поддавшись этому внезапному натиску, несколько опьянел. Обеими руками он обхватил плечи другого, в его глазах отразилась нежная влажная дымка.

За занавеской личный охранник, посланный с докладом, долго ждал, не дождавшись ни малейшего движения.

<http://bllate.org/book/15603/1392958>